

Пикто не обращался к его правосудию втуне: он был одинаков для членов своей семьи и для всех своих подданных. Армянский купец потребовал его самого в суд и притом несправедливо; он не только не отказался защищать себя, но после суда еще наградил купца за хорошее мнение о нем и о его судьях. Его слава в этом отношении была так распространена, что его тревожили жалобами и просьбами во всякий час дня. Однажды, после долгих занятий общественными делами, он удалился из толпы, чтобы отдохнуть, как вдруг является мамлюк с требовавшим выслушать его. Саладин просил прийти на следующий день. «Мое дело не терпит отлагательства», — отвечал мамлюк и бросил ему свою просьбу почти в лицо. Султан, не оскорбляясь, поднял прошение и, найдя его справедливым, дал удовлетворение мамлюку. Другой раз, когда он рассуждал со своими вождами, женщина подала ему записку; он приказал ей подождать. «К чему же, — закричала она, — ты считаешься пашим властителем, если не хочешь быть пашим судьей?» «Она права», — отвечал султан. Оставив немедленно собрание, он вышел к ней и исполнил все, что она требовала.

Мы не достигли бы конца, если бы захотели привести все, что говорят арабские писатели, и особенно Боаздин, о правосудии Саладина и его благочестии. Боаздин старался выставить все доблести своего героя и с намерением умалчивал о пороках, которые пятнали его. Потому, следуя показаниям только этого историка, мы составили бы себе весьма неполное понятие о характере и политике Саладина. Всякий раз, когда султаном овладевало честолюбие, он отлагал в сторону всякую правду и умеренность; история его войны представляет тому много доказательств, но вот еще один случай, тем более поразительный, что он относится к последнему году жизни Саладина и не оправдывается даже каким-нибудь жалким предлогом; мы заимствуем его у Ибн-Алатира. «После заключения мира, когда король Англии (Ричард) отправился в свою страну, и мусульмане могли предаться покою, Саладин призвал к себе в Дамаск брата Малек Аделя и сына Малек Афдала, и сказал им:

“Вот мы и освободились от франков; с этой стороны нет более никакой опасности. Куда устремить теперь наши силы?” Малек Адель предложил идти на покорение Келата в Великой Армении, владение которой было ему давно обещано, если страна будет завоевана. Малек Афдал, напротив, предлагал напасть на провинции Малой Азии, находившиеся тогда во власти детей Килик, Арслана, прежнего султана Икония. “Эта страна, — говорил он, — более важная, чем Келат, более населенная, более богатая и более легкая для завоевания; кроме того, там лежит дорога, по которой идут христиане, когда они отправляются сухим путем: овладев этой страной, мы загордим проход.” — “Какое малодушие, какая близорукость! прервал султан. — Я беру на себя одного завоевание Малой Азии: а ты, брат, взяв часть армии и одного из моих сыновей, пойдешь покорять Келат. Когда я кончу свое дело, отправлюсь к вам, и мы вместе вторгнемся в Азербейджан по ту сторону Тигра и разрушим древнюю монархию персидских султанов». Нельзя предвидеть, чем кончились бы предприятия Саладина: приготовления были уже сделаны, назначено место для сбора, и в эту самую минуту умирает султан...»

В течение своего правления Саладин встретил только одно упорное сопротивление со стороны христиан, и именно западных. Потому он и считал своими врагами только франков; он называл их врагами Аллаха, и войну с ними *священной войной*. По словам Боаздина, говорить об этой войне составляло для него особенное удовольствие. Он охотно покидал семью, детей, дом, чтобы в целости отдаться этой войне. «Лучшее средство понравиться ему, — говорит Боаздин, — было говорить так же, как он. Вследствие того и я решился поднести ему небольшое сочинение, где говорилось об обязанностях священной войны; я собрал там все стихи Алкорана, которые имеют отношение к этому предмету и все устные предания Магомета, где заключаются намеки на то же. Султан часто читал мой труд и, умирая, передал его своему старшему сыну.

Вот еще один случай, — продолжает Боаздин, — в котором я был лично заинтере-